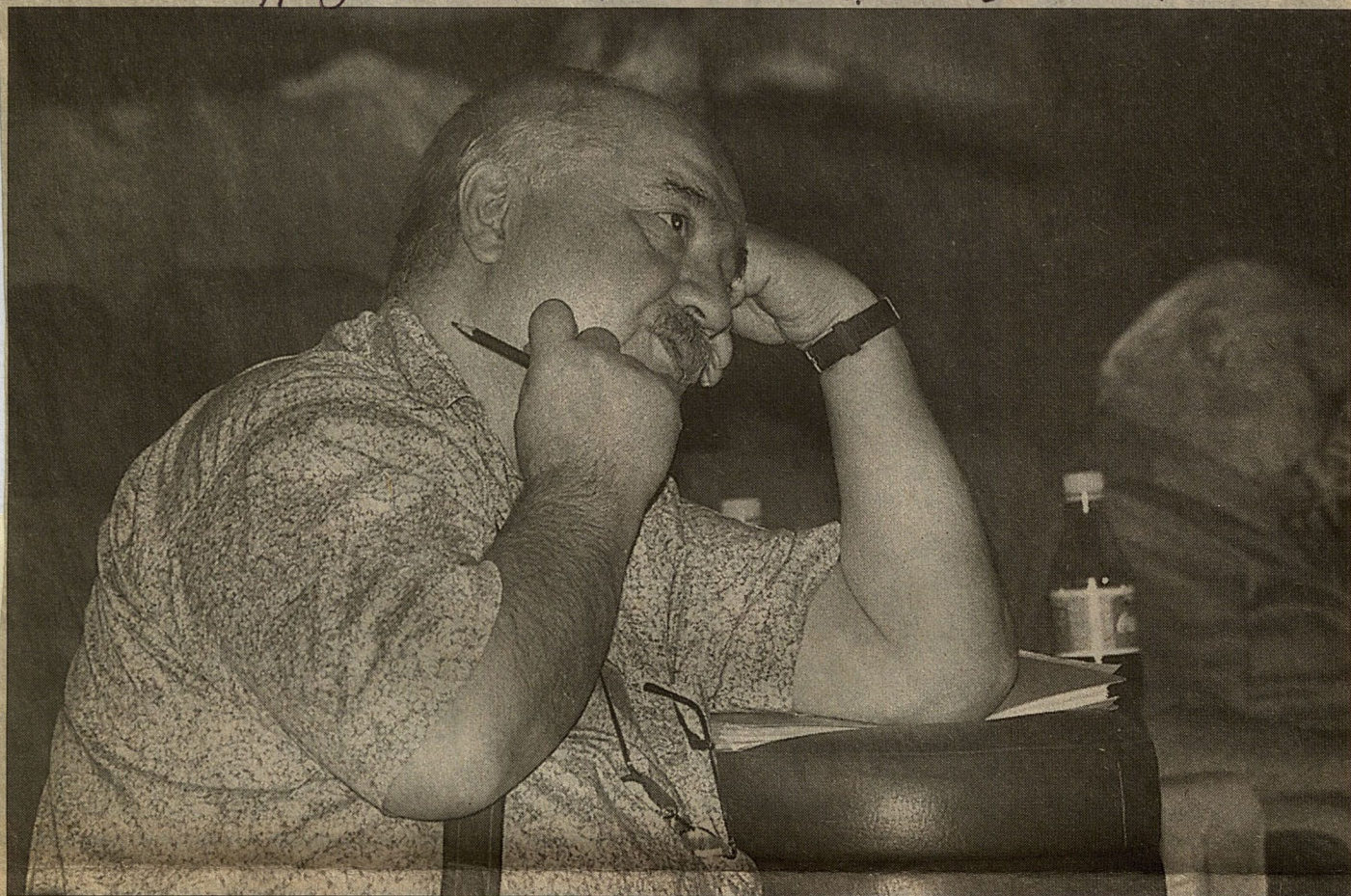

Актер на сцене

«Стикс» Роберта Стуруа на сцене Театра киноактера и фестиваль stand-up comedy в московских клубах

Независимая. — 2004. — 2 дек. — с. 6

Все уже давно согласились с тем, что Роберт Стуруа — мировая величина.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Григорий Заславский

Чуть-чуть — не о Стуруа и не о Николае Фоменко и Иане Стоуне, игравших свои комические монологи в Клубе на Брестской в рамках первого в Москве фестиваля стенд-ап комеди.

Позавчера исполнилось 70 лет выдающемуся актеру и народному артисту СССР Вячеславу Михайловичу Невинному. Поскольку юбилей он проводит не на сцене и не дома, а в больнице вдали от центра Москвы, то и торжества все скукожились и совершенно не соответствуют масштабу таланта Невинного. А ведь он сам по себе — огромный, не толстый, а — мощный. Настоящий комик, наследующий традициям великих русских комиков. Варламова, например. И длянщий, дотянувший до наших дней традиции русской провинциальной сцены. В спектакле «Венецианский антиквар», к примеру, его герой чихал три раза подряд. Не просто так чихал — кто-то из провинциальных актеров научил его этой мудрости: первый раз, чихая, он произносил слово «ящик», второй чих проходил под знаком «хрящика», в третий раз Невинный чихал, кажется, «ключиком». Кто это слышал? Кому это было нужно? Ему было нужно. Для остальных — ненужное, лишнее мастерство.

Невинный — не просто комик, он — настоящий русский комик, то есть артист трагикомического дарования. Трагикомический герой. И вообще герой, поскольку герои у нас все — странные, смешные и тут же — жалостные. Таков Яичница, которого Невинный играл в спектакле Романа Козака. Когда, представляясь, он произносил свою фамилию, зал хохотал и одновременно сочувствовал не-

лепому герою, которому кроме прочего досталось еще и нелепее имя. Какой уж тут смех, в пору плакать...

Такая махина, матерый такой человецище, Невинный — сам себе театр. Сейчас и пьесы, кажется, не те, и актер пошел — мелкий, тщедушный; выйди Невинный — другие на его фоне будут смотреться пузатой мелочью. Но и во времена Невинного играли всяко-разную ерунду, он и сам, как говорится, не пренебрегал, но всегда был уместен, умея обживать даже пустые стены и складывать характер там, где его не было и в помине.

Воспитанный провинцией, ее неумными дарованиями, не знавшими удержу ни в чем, Не-

участники первого в Москве фестиваля stand-up comedy. Жанра, популярного в Лондоне, прижившегося в Нью-Йорке. У нас — почти что несуществующего, хотя отчасти у нас его воспроизводит Николай Задорнов, отчасти — Евгений Гришковец. А в целом, наверное, никто.

Первый же фестиваль показал, что публики, которой нечто подобное интересно, у нас уже навалом. Осталось найти актеров.

Николай Фоменко час пятнадцать веселил публику, ориентируясь, думается, более на американские, нежели на английские образцы. Все больше — про телесный низ, про мужской низ, про низ с задней, так сказать,

пыль его начал иссякать и вместо обещанных сугубо московских шуток Стоун принялся воспроизводить давно сработанные безотказные интернациональные хохмы.

И наконец — о главном. Вернее, о том, что ожидалось как главное. Как долгожданная мировая премьера спектакля Роберта Стуруа на музыку Гии Канчели «Стикс».

Мы давно согласились с тем, что Стуруа — мировая величина. Он, к слову, и в Лондоне ставил. И даже Шекспира! Мы читали, что первые показы «Стикса» проходили в Тбилиси в спортивном зале, так как сам руставелиевский театр переживает многолетний ремонт. Год назад премьеру в Москве анонсировали, но спектакль так и не доехал до Москвы. Наконец, доехал. Играли в Театре киноактера, фойе которого сильно напоминает кооперативные киоски начала 90-х: тут и корейская репродукция «Моны Лизы», выложенная умельцем из мелких ракушек, и фигура рыцаря в доспехах, и портрет Хабенского и — какого-то голого мужика. Все — не в тему.

Канчели написал очень сильную музыку. Но, будто бы опасаясь ее великолепия и трагической силы, Стуруа дробит ее на какие-то крохотки, и в этих мелких музыкальных осколках актерам, конечно, удобнее существовать.

Получилась пантомима для драматических актеров, их бессловесная «болтовня» на околополитические темы. Не метафоры, а околومتафорический шлак. Артисты то эффектно падают, то дружно или поодиночке встают и расходятся на все четыре стороны сцены. Разобранная на детали, эта музыка им уже не велика. Хотя, наверное, она велика.

Канчели написал сильную музыку, но Стуруа разбил ее на осколки

винный — вопреки этой «школе» — стал актером ансамбля, партнером любому. Народный артист СССР, он не воспринимается и не вспоминается в одиночестве, всегда — в диалоге то с тем, то с другим. Подающий реплику, принимающий, мгновенно и резко реагирующий на партнера.

Тип. Русский тип. Или — украинский. В общем, народный. В смысле — простак. Хотя Невинный как раз непрост, напротив — сложен. Короче говоря, тип, ныне почти не востребованный. А жаль.

Вот такие неожиданные, хотя и соответствующие моменту мысли посещали голову, пока на небольшой клубной сцене сменяли друг друга актеры —

стороны. За все время ни разу не вспомнил ни про Ющенко, ни про Януковича. Час пятнадцать рассказывать о проблемах наших задниц и не сказать при этом ни слова о политике?! Непростительный промах для человека, который выходит на площадку, как говорится, здесь и сейчас. И без посредников.

За день до него на фестивале давал представление настоящий английский «стенд-ап комик» Иан Стоун. Он за сорок минут успел весело поболтать и про задницу, и, прошу прощения, про передницу, и про христианских ортодоксов, и про мусульман, и про евреев, и про московское метро. Правда, и он немного схалтурил. Было видно, что к середине выступления